

«К» ДРУЗЬЯ И ВРАГИ читателя Сидорова

ТО сказал, что славный град Китеж нануль в Лету? Он живет и строится, выполняет и перевыполняет планы, берет высокие обязательства, выпускает газету, сидит по вечерам перед экранами телевизоров, неустанно повышает свой культурный уровень».

С такого вот озорного зазерения начал свою повесть Владимир Тендряков. Это на тот случай, если кто усомнится в реальности нынешнего существования города, сославшись на былинный сюжет, по которому выходит, что Китежа давно нет. Да только с исчезнувшим легендарным градом населенный пункт, в котором нам предстоит погостить, ничего общего не имеет, кроме названия и географического положения. А если нужны параллели, то скорее это город-побратим щедриноского Глупова, чью незабвенную память тревожат порой деяния более поздних дней.

Что касается китежских чистых вод, принесших название повести, то тут тоже не так все просто. Водные ресурсы славного града исчерпываются загаженной речкой Кержавкой, несущей свои отходы не чистые воды к озеру Светлояру. И все-таки именно ей, несмотря на экологическую несуразность, уготована роль чистой воды. Той, на которую выводят, — в этом смысле. Благодаря обещанной речке в повести возникает целый ряд событий, причинно-следственные связи которых простираются далеко за рамки развернувшейся вдруг борьбы за ее чистоту.

Вообще, надо заметить, журналистам «везет». По частям прямого попадания в отрицательные персонажи представители этой профессии идут в современной литературе, пожалуй, вслед за работниками торговли. Как говорится, стало хорошей традицией. Но чтобы так, всю редакцию во главе с руководством пустить со знаком «минус»?.. Можно представить себе недоумение тех, кто привык определять достоинства художественного произведения с помощью арифмометра: столько положительных персонажей на столько-то отрицательных... Да, скажут они, нам, конечно,

нужны Гоголи и Щедрины, но не до такой же степени..

А степень, между прочим, нормальная. Сатирическому произведению подобный расклад ничуть не противопоказан. И вовсе не обязательно устанавливать для ориентира бронзовую статую положительного героя, чтобы тут же показывать, с кого нужно брать пример. Пусть читатель потом раскроет другую книгу и там досыта наблудит на абсолютно положительных героев. Не так уж много у нас пишущих сатиру.

Чем сильна классика? Она такие титаны создает, которые — на все времена. Вот и в редакторе «центрального печатного органа града Китежа» Крышеве угадываются черты чеховского Очумелова, благополучно сменившего платье и эпоху, но не утратившего феноменальной способности демонстрировать требуемое на данный момент окраску.

«Существуют два вида деловых выступлений, которые можно определить как обличительные и как спасительные. Первые всегда начинаются за здоровье и кончаются за упокой, вторые же, наоборот, за упокой начинаются, а за здоровье кончаются. В обоих случаях переход из одного состояния в другое происходит с помощью простого, однако весьма содержательного союза «но».

В «Заре Китежа», руководимой Крышевым, нашли достойное звучание оба этих жанра. Причем по одному и тому же поводу.

А все этот редакционный Макиавелли — ответственный секретарь Самсон Попенкина, названный одним из персонажей «хорьком газетным». Хорек ведь, как известно, зверь разносторонний. Может острые зубы в ход пустить, а может и наоборот. Таков и Самсон. Из

некоего скрытого озорства, желая увидеть круги на изрядно застоявшейся водиче подбил он главного на весьма рискованное предприятие. Направить гул затребованной свыше набатной статьи на директора комбината Сырцова, повинного в загрязнении Кержавки.

И как это Крышев поддался? Ведь его «боковая походочка с мелким прискоком» хорошо известна там, куда он «шесть раз в неделю — иногда и чаще — выезжал уточнять, утрясать, получать инструктивные указания». Короче говоря, столько лет работал без проколов! А тут полнейшая неразбериха. С одной стороны, зубодробительная статья против Сырцова, а с другой — запущенный адогонку все тем же Самсоном отклик читателя Сидорова, камня на камне не оставляющий от первого выступления. При этом сам Самсон вроде бы в стороне. Редактор-то Крышев.

И потом — кто такой этот читатель Сидоров? Видать, крупная фигура, если никто в редакции о нем ничего не говорит. Нет ли тут какого иносказания?.. Как назло, никаких четких указаний.

Между тем мистическая фигура читателя Сидорова, обаятельного рождением лишь охранительному воображению Самсона Попенкина, постепенно обретает вполне реальные черты. Больше того, благодаря охочей до преувеличений молве, новоявленный подпоручик Кижэ вырастает до огромных размеров. В том, что это «не простой читатель, не массовый», не сомневается уже никто. Вот только Крышев, хорошо знающий Самсона, имеет кое-какие предположения.

Единственный выход для Попенкина — материализовать дух читателя Сидорова. И вот уже

отысканный однофамилец читателя, завсегда пивбара Кешка Гусь, подведенный Попенкиным к амбразуре кассового окна, запечатлел в гонорарной ведомости свою подпись, а значит, официально стал и автором письма. Вмиг развеялось мистическое очарование читателя Сидорова..

Написана повесть удивительно легко и весело. Чувствуется, что автор и сам немало смеялся, создавая образы того же Крышева или Попенкина.

На славу удались и три грации китежской прессы — «первый ухарь», приверженец «неприглаженного стиля — «И-эх, расшибу!» Петров-Дробняк, улыбчивый Арсентий Кавычко, чье «натренированное перо выводило эпитеты лишь в превосходных степенях: глубочайший талант, тончайшее наблюдение...», и Борис Моисеевич Чур, которому «ничего не стоило обернуться «серым волком по земле, сизым орлом под облаком», он мог (если будет дозволено) ухарски крушить на манер Петрова-Дробняка и сладкоголосого величать (коль настоятельно требуют) в духе Арсентия Кавычко».

Несколькими точными штрихами нарисован и фоторепортер Осип Тугобырлев, который «тем только и занимается, что знаменитостей на мушку берет. Балерина выше других прыгнет — на мушку ее! Бык-производитель выдвинется — тоже на мушку...»

Любопытный типаж представляет собой местный поэт Иван Лепота:

«Дитя природы, он влюбленно умился всему, что подалось на глаза. Видел, например, ночи в лесу и сразу же приходил в восторг. Одно то, что почки не чужие, не занесенные со стороны, а свои, родные, итинские, давало ему право считать их лучшими в мире!» (Не о таком ли лирике вспоминал Виктор Розов, приводя пронзительные строки: «Села птичка на сучок, я гляжу как дурачок»?)

Но вообще Лепота не так уж и прост. Как в театре, где в антракте Отелло может спокойно беседовать с Яго о предстоящем профсоюзном собрании, так и Иван «в миру» неплохо ладит со своим главным «обидчиком» — сокрушительным Петровым-Дробняком. Такой вот творческий симбиоз.

Легко узнаваем в повести и

Кукушав, сотрудник местного общества «Знание».

«По примеру неунывающих философов прошлых веков он свято верил: все к лучшему в этом лучшем из миров. И когда в этом «лучшем из миров» кто-нибудь не особо щепетильно выколулывал нечто неприятное, Андриан Емельянович выходил из себя — кричал о малодверях очернителях».

Не правда ли, знакомая позиция?..

А вот звездный час его созда, персонального пенсионера Панкрата Панкратовича Шишкина, ласково-сокращенно — Пэпэша, пришлось совсем на другую пору — когда учился на художника деревенский парень Федор Материн из романа «Свидание с Нефертити». «Тогда он имел железного хозяина, железную дисциплинку, тогда уважалась сила и презиралась всяческая слабость, нытики молчали». А Пэпэша не молчал. Определенного совершенства он достиг в сочинении бумаг, начинавшихся с сакраментального: «Считаю своим долгом сообщить...»

Но все-таки с особым смаком автор описывает Петрова-Дробняка, демонстрируя при этом подлинную мощь своего сатирического дарования. Нельзя без улыбки читать, скажем, такое соображение:

«Дверь отрылась, на пороге вырос Петров-Дробняк с физиономией пожарной лошади, только что попарившейся в бане. Или: «Петров-Дробняк сжимал коленями палку и открывал от скулы до скулы желтые зубы в застывшей улыбке а ля «веселый Роджерс».

Владимир Тендряков снова проявил себя как тонкий мастер слова. К приведенным цитатам можно добавить такое встретившееся в повести сравнение: «келка мокрая, как вынутый из рассола груздь».

Смеяться, чтобы расстаться с прошлым смесью — в этом пафос книги Тендрякова. Расстаться с многослойным враньем, разгильдяйством и перестраховкой, приспособленчеством и некомпетентностью. Повесть, законченная в 1980 году, увидела свет только теперь, уже не при жизни автора. Но как удивительно кстати оказался сегодня ее очищающий смех!

Что ж, возрадуемся лишней раз тому, что рукописи не горят. Вот только, увы, сгорают те, кто их создает.

Валерий КРУЖКОВ